УДК 281.93
255.271

М. В. Шкаровский

Русский Свято-Пантелеимоновский монастырь на Афоне в первые годы после окончания Первой мировой войны (1919–1924)

В 2016 г. будет отмечаться Тысячелетие русского присутствия на Афоне. В этой связи интерес историков и широкой общественности привлекают разные периоды его истории. Одним из наименее изученных является период 1919–1924 гг. Исследовать его позволяют лишь недавно систематизированные для научного изучения документы русского Свято-Пантелеимоновского монастыря (Руссика) — одной из 20 главных обителей Святой Горы.

После Октябрьской революции и Гражданской войны в России русское афонское монашество оказалось окончательно отрезано от родины. Хотя некоторые сведения о происходивших в России трагических событиях доходили до Афона, монахи русских обителей, порицая большевизм и устроенные антицерковные гонения, первоначально воздерживались от прямых политических выступлений. В ответ на призыв пребывавшего тогда в Константинополе архиепископа Кишиневского и Хотинского Анастасия (Грибановского) «подать свой голос в защиту угнетенного большевизмом народа» настоятели Свято-Пантелеимоновского монастыря, Свято-Андреевского и Свято-Ильинского скитов 9 августа 1919 г. ответили: «Едва ли в данном случае найдемся в состоянии произнести влиятельное слово к вразумлению наших соотечественников»[1].

[1] *Троицкий П.* Свято-Андреевский скит и русские кельи на Афоне. М., 2005. С. 68–69.

Однако в 1920 г. многие русские святогорцы заняли ярко выраженную антибольшевистскую позицию, выпустив несколько обращений к людям в России («Без Бога нельзя жить человеку», «Христианство — есть единственная божественная истинная вера» и др.), а также «Святогорский народный листок». В них говорилось о преследовании Церкви в России, и содержался призыв не верить большевикам и устраняться от них[2].

В свою очередь несколько десятков афонских монахов, застигнутых в России Первой мировой войной и революцией, оказались заключены в лагеря, тюрьмы или были расстреляны. Застрелен был насельник Ильинского подворья в Таганроге иеромонах Николай 13 сентября 1921 г. во время конфискации церковного имущества. В страшном Соловецком лагере умер в июне 1930 г. насельник Руссика монах Александр (Носков). Старца келлии Живоносного источника иеромонаха Евгения при его попытке бежать на Афон через Румынию разрубили на части 1 августа 1930 г. на берегу Днестра. Умерли в ссылке 15 октября 1932 г. под Вологдой иеромонах Митрофан, 8 ноября 1932 г. в Нарымском крае насельник Московского подворья Свято-Пантелеимоновского монастыря иеромонах Феофан (Сердбинцев) и т. д.[3]

В 1937–1938 гг. были расстреляны и похоронены на подмосковном полигоне Бутово, а в начале 2000-х гг. прославлены Русской Православной Церковью (РПЦ) в лике преподобномучеников пять бывших иноков Руссика: иеромонахи Иона (Санков), Донакт (Калашников), Иларион (Громов), Антипа (Кириллов) и Гавриил (Гур)[4]. Всего же в базе данных пострадавших за веру священнослужителей и мирян Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета есть 12 святых новомучеников афонских, из них 10 насельников Свято-Пантелеимоновского монастыря (больше, чем новомучеников Киево-Печерской или Троице-Сергиевой Лавр)[5]. Некоторые из этих новомучеников были прославлены на юбилейном Архиерейском соборе РПЦ в 2000 г., в частности расстрелянные в 1937 г. вблизи Чимкента (Южно-Казахстанской обл.) бывшие иноки Руссика схииеромонах Иоанн (Лаба) и схимонах Иларион (Цуриков), а также бывший насельник Ставроникитского монастыря схииеромонах Гавриил (Владимиров)[6].

[2] Архив Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне (АРПМА). Оп. 10. Д. 190. Док. № 166. Л. 37 — 37 об., 40.

[3] Там же. Д. 219. Док. № 4056. Л. 1–3.

[4] *Игумен Дамаскин* (*Орловский*). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия. Тверь, 2002. Кн. V. С. 302; Кн. VII. С. 97; Русский афонский отечник XIX–XX веков. М., 2010. С. 400–406, 410–411.

[5] *Емельянов Н.Е.* Представители русского зарубежья. За Христа пострадавшие // XVIII Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: Материалы. М., 2008. Т. 1. С. 236.

[6] Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (АУФСБ по СПб и ЛО). Ф. архивно-следственных дел. Д. П-78806; Православная энциклопедия. М., 2009. Т. 22. С. 155; Русский афонский отечник XIX–XX веков. С. 407–409, 719–720.

К концу 1918 г. советские власти реквизировали в российских банках все капиталы афонских обителей и национализировали их недвижимое имущество: здания, лавки и т. п. В частности, большая часть капитала Свято-Ильинского скита размещалась в банках Одессы. В 1917 г. настоятель трижды напрасно отправлял телеграммы в Одессу с просьбой перевести в скит 30 тыс. рублей. Не последовал ответ и на запрос, направленный в марте 1919 г., перевести на Афон 50 тыс. рублей из Романовского кредитного фонда. Лишь в апреле 1920 г. в скит неожиданно прибыла почта из России с небольшой суммой денег от благотворителей[7]. Так же нерегулярно и случайно поступала почта и отдельные небольшие пожертвования из России и в Свято-Пантелеимоновский монастырь.

В начале января 1919 г., под Рождество, в Руссик приехал один из самых известных афонских исповедников, настоятель подворья Свято-Андреевского скита в Одессе архимандрит Питирим, будущий схиепископ Петр (в миру Потапий Федорович Ладыгин, 1866–1957). Летом 1918 г. он получил поручение Святейшего Патриарха Московского и всея России Тихона вручить Вселенской Патриархии уведомление об избрании в России Патриарха. На выезд из Москвы потребовалось разрешение В. И. Ленина, и, по некоторым сведениям, отец Питирим добился встречи с ним. Ленин расспросил его о положении на Украине и распорядился выдать необходимые документы. Архимандрит сумел добраться до Константинополя и вручить послание, затем посетил Афон[8].

Отец Питирим также входил в состав Украинской комиссии по делам военнопленных. В конце 1918 г. он сумел добиться от турецких властей возвращения русским афонским обителям зданий их подворий в Константинополе, включая подворье Свято-Пантелеимоновского монастыря. В Руссике архимандрит много рассказал братии о жизни в России и о гонениях большевиков на Церковь[9].

Судьба отца Питирима была очень сложной. Ответное послание Вселенского Патриарха он доставил лично Патриарху Тихону. После закрытия летом 1923 г. возглавляемого им подворья архимандрит Питирим оказался выслан из Одессы, в 1925 г. он был тайно хиротонисан в Средней Азии во епископа Уфимского, в 1927 г. принял схиму с именем Петр и стал окормлять множество тайных общин. Владыка подвергался арестам в 1926, 1928, 1937, 1945, 1951 гг., нелегально жил в разных местах, в том числе на Тянь-Шане, и скончался 19 февраля 1957 г. в Глазове[10].

В дни посещения о. Питиримом Руссика в него вернулось с Салоникского фронта 10 отбывших службу в армии послушников. В это время монастырь

[7] *Феннел Н., Троицкий П., Талалай М.* Ильинский скит на Афоне. М., 2011. С. 59.

[8] *Ильинская А.* Подвиг схиепископа Петра // Вятский епархиальный вестник. 1998. № 1. С. 5; *Троицкий П.* История русских обителей Афона в XIX–XX веках. М., 2009. С. 93, 107–108.

[9] АРПМА. Оп. 10. Д. 170. Док. № 154. Л. 27.

[10] *Ильинская А.* Указ. соч. С. 5–6; *Троицкий П.* История русских обителей Афона. С. 107–108.

пережил эпидемию тяжелой формы гриппа («испанки»), занесенной из Македонии. Эпидемия началась в декабре, и вскоре в Руссике умерли 17 человек. Особое опустошение «испанка» произвела среди русских бедных пустынников (сиромахов), так как они страдали от хронического голода и отсутствия медицинской помощи[11].

13 января 1919 г. покинули Руссик и вообще Афон последние французские солдаты, занимавшиеся лесозаготовками. Насельники провожали их с колокольным звоном и подарками, а французы в свою очередь салютовали из пушки. Около двух лет пробыли они на Афоне, постоянно оказывая братии помощь и поддержку. Так, по их указанию болгарские военнопленные дважды резали монастырскую капусту, когда в обители многие болели гриппом. От продажи в 1917–1918 гг. леса французам Руссик выручил более 300 тыс. драхм, на которые во многом и существовал в это время. Французские пароходы поддерживали регулярное сообщение монастыря с его Салоникским подворьем и Каламарийским метохом, которое позднее сильно осложнилось. При отъезде французы оставили братии безвозмездно 80 мешков ячменя и отрубей[12].

4 июля 1919 в Руссик прибыл на английском крейсере верховный комиссар Великобритании в Константинополе адмирал Кольторп. Насельники встретили его с колокольным звоном, подарили икону Божией Матери. На просьбу игумена освободить Константинопольское подворье монастыря от постоя солдат и беженцев адмирал обещал свое содействие. 19 октября Афон посетил французский генерал, командовавший Салоникским фронтом, но в русских обителях он не был[13].

Гонения на РПЦ не позволяли ее священноначалию уделять должное внимание зарубежным обителям, однако уже на Всероссийском поместном соборе 1917–1918 гг. звучала тревога за судьбу русских святогорцев. Вопрос их будущего вновь стал актуален после начала мирной конференции в Париже. В ходе нее была образована Комиссия по афонским делам.

4 марта 1919 г. афонский корреспондент российского консульства в Салониках А. А. Павловский писал игумену Мисаилу: «Считая, что нынешний Европейский конгресс, г. Шебунин занимается на нем в Комиссии по афонским делам, специально образовавшаяся в Одессе Комиссия по афоно-палестинским делам, от которой поедет митрополит Платон, и недавно прибывшая в Солунь специальная от объединенной России комиссия, могут принести русской колонии на Афоне большую пользу, прилагаю Вам на Ваше благоусмотрение свою мысль, касательно Симоно-Кананитского Вашего монастыря и Петроградского подворья»[14].

[11] АРПМА. Оп. 10. Д. 170. Док. № 154. Л. 24–25, 28.

[12] Там же. Л. 28.

[13] Там же. Л. 36–37, 45.

[14] Там же. Оп. 49. Д. 2. Док. № 4020. Л. 654.

А. А. Павловский составил проект доклада Свято-Пантелеимоновского монастыря в Комиссию по афонским делам на Парижской конференции. В докладе говорилось: «Вследствие того, что в настоящее время неизвестна дальнейшая судьба нашего русского иночества на Афоне, в случае если будут, как предложено греческим правительством, секвестрированы наши метохи, в данный момент служащие нам единственным средством для жизни, равно как и для помощи многочисленным русским пустынникам — монахам и для приема постоянно посещающих обитель нашу иноков и светских лиц, то нам снова придется искать себе нового места, в особенности же если установится ныне проводимый режим монастырского, с помощью Протата, в котором из 20-ти монастырей 17 греческих на 3 русско-славянских, самоуправление»[15].

В докладе указывалось, что на 1 января 1919 г. численность братии обители составляла 646 человек (без подворий и метохов). Причем всего на иждивении монастыря вместе с трудниками и пустынниками тогда находилось свыше 1 тыс. человек. Между тем по количеству земли на Афоне он занимал среди святогорских монастырей последнее место. Отделение Руссика на Кавказе (Ново-Афонский монастырь) имело 1376 десятин земли. Поэтому монастырь просил комиссию решить вопрос «о старом первоначальном единении с нашей отраслью на Кавказе Симоно-Кананитской обителью, и нашим подворьем в Петрограде, как в духовном, так и в экономическо-материальном отношении». К докладу был приложен акт об устройстве Ново-Афонского монастыря от 8 декабря 1879 г. с современными добавлениями, в котором в отредактированном варианте воспроизводилась прежняя формула: «В случае смутных обстоятельств на Востоке и невозможности дальнейшего пребывания на Афоне братство Пантелеимоновского монастыря получает убежище в новой обители... и в таком случае настоятель (игумен) Пантелеимонова монастыря вступает с разрешения Св. Синода (с уведомлением о сем во Всероссийскую Патриархию) в управление этой обителью»[16].

В заключение А. А. Павловский отмечал: «Конечно, если монастырь захочет восстановить свои прежние права и пошлет согласно сего свой доклад, то примечания к акту должны быть отдельно. К сему же нужно упомянуть о потерянных монастырем владениях, как на Афоне, так и вне его, вроде монастыря в Румынии (имеется в виду Ново-Нямецкий монастырь. — *М. Ш.*), церкви в Константинополе, на острове Лимносе (Лемносе. — *М. Ш.*) и т. д. Мне, конечно, будет интересно знать, как монастырь отнесется к высказанной моей мысли»[17]. Игумен Мисаил в целом ответил согласием, отметив, правда, что вопрос о кавказской обители может разрешиться и помимо мирной конференции. Впрочем, эти предложения уже не имели смысла, так как Ново-Афонский монастырь и Петроградское подворье были утрачены из-за установления в России советской власти.

[15] Там же. Л. 655.

[16] Там же. Л. 655 об., 657.

[17] Там же. Л. 657 об.

С согласия Верховного главнокомандующего Белым движением на Юге России генерал-лейтенанта А. И. Деникина в мае 1919 г. на Афон прибыл направленный Собором южнорусских епископов (сформировавшим Комиссию по афоно-палестинским делам) член Всероссийского поместного собора, доктор церковной истории, профессор Киевской духовной академии протоиерей Феодор Иванович Титов. Он входил в состав русской церковной делегации из четырех человек, которую решили направить на мирную конференцию в Париже (три других делегата — епископ Павел, Трубецкой и Ковалевский, на Афон не поехали). Отец Феодор должен был изучить положение русских святогорцев и их нужды и подготовить документы для доклада на Парижской конференции.

19 мая о. Ф. Титов посетил Руссик, представив настоятелю рекомендательное письмо от митрополита Херсонского и Одесского Платона (Рождественского). По предложению о. Ф. Титова игумен собрал Собор старцев, которые выслушали рассказ о бедственном положении РПЦ, аресте Патриарха Тихона; о. Феодор предложил стать на Парижской конференции защитником прав русского монашества Афона, если его уполномочат русские обители и снабдят необходимыми документами и материалами. В тот же день о. Феодор в Покровском соборе произнес речь перед всей братией о гонениях в России на РПЦ. 20–24 мая он в сопровождении антипросопа Руссика иеромонаха Панкратия и монаха Виктора посетил Новую Фиваиду, 2 и 9 июня служил в Покровском соборе Свято-Пантелеимоновского монастыря.

9–10 июня, в дни памяти прп Антония Киево-Печерского, о. Феодор совершил богослужения в храме Богородичного скита (Ксилургу) Руссика, населенного в основном болгарами. 14 июля состоялось общее совещание о. Ф. Титова с представителями русских обителей, в том числе келлий. В престольный праздник св. Пантелеимона 27 июля протоиерей возглавлял богослужение в Покровском соборе. 29 июля он в присутствии пребывавшего тогда на Афоне архиепископа Кишиневского и Хотинского Анастасия (Грибановского) и игуменов Свято-Пантелеимоновского монастыря и двух русских скитов прочитал проект своего доклада международной конференции о состоянии афонского монашества, причем владыка Анастасий тоже высказал свои соображения[18].

20 мая о. Ф. Титов впервые встретился в Свято-Андреевском скиту с представителями Братства русских келлий. 14 июля они подали ему докладную записку о своих нуждах, а 5 августа — еще одну записку с данными о благотворительной деятельности братства начиная с 1896 г. Кроме того, 3 августа старец Иоанно-Златоустовской келлии Иверского монастыря иеромонах Серафим передал докладную записку со своим личным мнением по вопросу улучшения келлиотского правового положения на Афоне[19].

В конце июля — начале августа о. Ф. Титову предоставил для использования ряд составленных им документов консульский корреспондент

[18] Там же. Оп. 10. Д. 170. Док. № 154. Л. 31–35, 40–41.

[19] Там же. Д. 180. Док. 163. Л. 182–191.

А. А. Павловский: доклад об Афоне для Парижской конференции, записку со статистическими сведениями о греческих и русских монашеских учреждениях, несколько брошюр о русских келлиотах, доклад с общими сведениями о святогорском монашестве — «Святая Гора Афон в прошлом и настоящем», «Проект формы желательной для келлий омологии». В них Павловский писал, что Свято-Пантелеимоновский монастырь для поднятия престижа в России следует наименовать лаврой, прекратить прием в него греков, оставить за ним Ново-Афонский монастырь на Кавказе. Консульский корреспондент также считал необходимым защитить Руссик от реквизиции его метохов греческими властями, сократить увеличенные вдвое налоги, передать скит Ксилургу «непосредственно в русские руки», и устроить в нем монастырскую школу для послушников. Свято-Андреевскому и Свято-Ильинскому скитам он полагал необходимым предоставить права самостоятельных монастырей, желательным также было официальное признание Русской Православной Церковью и Вселенской Патриархией Братства русских келлий[20].

Алексей Алексеевич Павловский, горячий сторонник объединения всех выходцев из России на Святой Горе, полагал правильным после окончания войны «признать русское иночество официально и взять его под дальнейшее покровительство Русского правительства, как отдельную русскую общину». К докладу он приложил проект устава русской общины Афона (предусматривавший выборы благочиннического комитета), который мог бы быть утвержден правительственной властью для обязательного исполнения. А. А. Павловский доказывал необходимость спешного проведения с участием представителей пяти православных государств реформ «на началах равноправия и справедливости», нейтральности Святой Горы и вынесения постановления об Афоне на Лондонской конференции 1913 г. В частности, предлагалось создать на Афоне под контролем представителей православных государств светские учреждения для руководства полицией, судебными и таможенными делами. Святая Гора должна была остаться в верховном ведении Константинопольского Патриарха с учреждением на Афоне особой кафедры для разбора духовных дел и рукоположений с назначением на нее лиц, избранных самими святогорцами. Для русской общины предусматривалось создать собственную пристань со складами вблизи Свято-Пантелеимоновского монастыря. Наконец, А. А. Павловский считал желательным иметь на Афоне российского консульского агента, даже составил для него проект инструкции[21].

В середине октября 1919 г. о. Ф. Титов в Руссике написал отчетный доклад А. И. Деникину о «важнейших современных нуждах русского монашества Афона», в котором отмечал, что по поручению священноначалия Русской Православной Церкви с мая по октябрь 1919 г. посетил все 20 монастырей, основные скиты и многие русские келлии, причем во все праздничные и воскресные дни совершал богослужения с братией обителей и проводил беседы и поучения. Он сообщил,

[20] Там же. Л. 1, 172–178.

[21] Там же. Л. 137–138, 148, 152–153.

что на Афоне имеется около 5 тыс. монахов, в том числе 2567 греческих и 2155 русских: в Свято-Пантелеимоновском монастыре — 880 (с подворьями и метохами), Свято-Андреевском скиту — 350, Свято-Ильинском скиту — 250, в 32 келлиях и 68 каливах с храмами (на правах келлий) — 600 и в 68 каливах без храмов — 75[22].

Со стороны российского правительства, считал о. Ф. Титов, следует принять меры для сохранения и укрепления юридических прав Свято-Пантелеимоновского монастыря: 1. Подтвердить на международной конференции права русского монашества на вечное беспрепятственное владение Руссиком; 2. Подтвердить право владения земельной собственностью на Афоне и вне его, а также пользование почтовым и торгово-промышленным сношением с Россией и другими странами; 3. Сохранить все права на владение имуществом в России; 4. Сохранить в целом весь капитал Руссика в Государственном банке России (здания и церковные ценности монастыря оценивались в 35 млн руб.). По мнению о. Ф. Титова, обитель вполне заслуживала присвоения ей наименования «русской святогорской Лавры», причем это могло быть сделано властью Всероссийского церковного собора[23].

В докладе поддерживалось стремление Свято-Андреевского и Свято-Ильинского скитов получить статус монастырей. О. Феодор писал, что русские келлиоты переживают тяжелый кризис и лишения вследствие прекращения поддержки из России. Притом он считал их «воинственную политику» по отношению к греческим монастырям «совершенно несвоевременной и вредной», как и не соглашался с важнейшим требованием келлиотов — с принудительным и бесплатным отчуждением от монастырей участков земли, на которых есть келлии. Протоиерей считал, что эти участки надо передать во владение келлий, но по соглашению с монастырями и за плату. Он полагал, что келлии остро нуждаются в урегулировании отношений с греческими монастырями в форме омологии, причем некоторые келлии должны быть преобразованы в скиты. По плану о. Ф. Титова русские церковные власти с согласия Вселенского Патриарха и Протата должны были послать комиссию из трех лиц (архиерея, опытного старца-пустынника и светского чиновника) для всестороннего изучения вопроса о русских келлиотах на Афоне. Если такой вариант невозможен, то, по мысли о. Феодора, решить вопрос следовало постоянной межцерковной комиссии при Константинопольском Патриархе, которую специально учредить для проведения в жизнь нового устройства Афона. Особенно тяжелым было положение каливатов и кавиотов-пустынников, значительная часть их умерла от болезней и голода[24].

В своем докладе о. Ф. Титов также отмечал: «Русское монашеское население на Афоне и теперь надеется, что правительство новой восстановленной единой великой России будет относиться к нему с таким же расположением

[22] Там же. Д. 183. Док. № 161. Л. 1–2, 76 об.

[23] Там же. Л. 30 об. — 31.

[24] Там же. Л. 42 об. — 44.

и вниманием. Об этом оно почтительнейше ходатайствует перед Вашим Высокопревосходительством через меня, как представителя Русской Православной Церкви, уполномоченного на это Собором южно-русских епископов, под председательством Высокопреосвященнейшего Херсонско-Одесского митрополита Платона»[25].

Протоиерей негативно оценивал подготовку нового устава (канонизма) комиссией из восьми антипросопов греческих монастырей, думая, что он может привести «к совершенному уничтожению русского монашества и к гибели многоценного достояния русского народа». Отец Феодор считал, что для выработки принципов существования и устройства русского монашества на Афоне при мирной конференции должна быть образована особая межцерковная православная комиссия из представителей России, Греции, Сербии, Чехословакии, Болгарии и Румынии, которая составит окончательный проект решения вопроса. Он полагал необходимым, чтобы мирная конференция признала Афон находящимся под международным покровительством и защитой данных государств (в другом варианте Лиги наций). Для осуществления нового положения об устройстве Афона о. Ф. Титов предлагал учредить две постоянно пребывавшие в Константинополе международные комиссии из церковных и политических представителей шести указанных государств: церковную под председательством Вселенского Патриарха и политическую под председательством российского верховного комиссара. Копия этого доклада была направлена митрополиту Херсонскому и Одесскому Платону (Рождественскому)[26].

19 октября о. Ф. Титов после сердечных проводов уехал из Руссика на его пароходе в Салоники в сопровождении представителя Свято-Пантелеимоновского монастыря иеромонаха Симеона и представителя Свято-Андреевского скита иеромонаха Антипы. Эта делегация отправилась в Белград — столицу Королевства сербов, хорватов и словенцев, где ее принял наследник престола принц Александр Карагеоргиевич. Она попросила у него помощи и покровительства русским святогорцам. После аудиенции о. Феодора наградили орденом Св. Саввы 2-й ст.[27] Позднее он стал профессором Богословского факультета Белградского университета, неоднократно помогал русским святогорцам. Правда, обращение к участникам Парижской конференции оказалось безрезультатным. В январе 1920 г. русские обители Святой Горы выделили деньги протоиерею Ф. Титову для поездки на мирную конференцию в Лондоне для ходатайства там о русском монашестве на Афоне, но и это не принесло успеха[28].

Подобная деятельность вызывала раздражение Протата. Как раз во время пребывания о. Феодора на Афоне произошел неприятный инцидент. 10 августа

[25] Там же. Л. 76.

[26] Там же. Л. 76 об. — 81 об.

[27] Там же. Д. 170. Док. № 154. Л. 45, 47.

[28] *Феннел Н., Трощкий П., Талалай М.* Указ. соч. С. 243, 247, 253–254.

1919 г. в Свято-Пантелеимоновский монастырь приехал настоятель русской Свято-Троицкой церкви в Афинах архимандрит Сергий (Дибич). В сопровождении А. А. Павловского он около полутора недель объезжал русские скиты и келлии Святой Горы, выясняя их положение и проблемы. Однако 21 августа о. Сергия и Павловского арестовали и на следующий день принудительно выслали с Афона. Причиной якобы послужило нарушение архимандритом постановления Протата о непременной явке всех приезжих на Святую Гору в Кинот. Арестованных на мулах под охраной солдат доставили в Дафну, где держали до прибытия парохода под караулом в комнате конака Руссика. Больше А. А. Павловского, несмотря на официальный статус консульского корреспондента, не допускали на Афон[29]. В результате его высылки прекратилась деятельность общей Продовольственной комиссии русских святогорцев.

Из-за серьезных материальных трудностей 1919 г. оказался тяжелым для насельников Руссика. Они сами раскапывали виноградники, рубили лес, работали на метохах, где многие заболели лихорадкой и некоторые умерли. Обычную пищу составляли щи и каша из ячменя, большая нужда была в белье, одежде и обуви; никто не получал для освещения келий керосина. К тому же был совершен неудачный обмен леса на масло, имевшее неприятный запах и горький вкус. В течение 1919 г. умер 41 насельник, в том числе 4 декабря духовник старец иеромонах Вероник, когда-то активно боровшийся с имяславцами[30].

В письме корреспонденту российского консульства в Салониках А. А. Павловскому от 16 марта 1919 настоятель Свято-Пантелеимоновского монастыря архимандрит Мисаил писал, что братия обители уже сделала и прожила большие займы, по которым надо платить высокие проценты, но обитель всё же кормит 250 бедных пустынников (сиромах) и приютила много престарелых и убогих иноков, в частности 19 русских монахов, изгнанных одним греческим монастырем из благоустроенной ими келлии[31].

12 июня 1919 г. игумен Руссика о. Мисаил поставил настоятелем Богородичного скита (Ксилургу) иеросхимонаха Михаила, выбранного братией вместо давно скончавшегося иеросхимонаха Стефана. 24 января 1920 г. Собор старцев монастыря назначил заведующим скитом Новая Фиваида исполнявшего послушание библиотекаря иеромонаха Иосифа, но тот отказался, и вместо него заведующим скитом стал монах Ивкирион. 23–25 июля выгорел значительный участок монастырского леса у ближней Георгиевской келлии, братия с большим трудом потушила пожар, отстояв строения келлии[32].

В конце июля 1920 г. освящен Свято-Пантелеимоновский храм в Старом Нагорном Руссике. 20 июля живший тогда на Афоне митрополит Киевский

[29] АРПМА. Оп. 10. Д. 170. Док. № 154. Л. 44.

[30] Там же. Л. 47, 51.

[31] Там же. Д. 180. Док. № 163. Л. 207 — 207 об.

[32] Там же. Д. 170. Док. № 154. Л. 35, 52, 62.

и Галицкий Антоний (Храповицкий) с игуменом Мисаилом прибыли в Нагорный Руссик. На торжества также приехали игумен Свято-Андреевского скита архимандрит Митрофан, представитель Свято-Ильинского скита иеромонах Августин и много других иноков русских обителей. Свято-Пантелеимоновский храм был заложен еще 3 июня 1871 г. игуменом Макарием, но в 1874 г. его строительство приостановили и возобновили только в 1911 г. на пожертвования купца Смирнова при посредничестве настоятеля подворья Свято-Пантелеимоновского монастыря в Москве иеросхимонаха Аристоклия (13 марта 1911 г. наместник о. Иоакинф совершил водосвятный молебен перед возобновлением работ). В 1914 г. строительство собора, стоившее более 200 тыс. руб., закончили, но освящение отложили до окончания Первой мировой войны. После приезда митрополита Антония Собор старцев решил, что храм должен освятить русский архиерей. Собор возвели большой и высокий, украсили замечательным позолоченным иконостасом работы московских мастеров (стоил 16 тыс. руб.) и внутренними колоннами из афонского мрамора с резными капителями[33].

Утром 21 июля все священнослужители собрались в храме Почаевской иконы Божией Матери, и во главе с митрополитом отправились в новый собор, где Владыка Антоний освятил престол, а затем жертвенник. Затем состоялся крестный ход вокруг храма, и митрополит сказал слово на тему освящения Свято-Пантелеимоновского собора. В литургии вместе с Владыкой участвовали 28 иеромонахов и 17 иеродиаконов в присутствии почти 450 иноков[34].

27 июля в монастырском престольном празднике св. вмч Пантелеимона участвовали митрополит Антоний (Храповицкий), греческий епископ Иоаким, игумен Свято-Ильинского скита архимандрит Иоанн, представители Свято-Андреевского скита и других русских обителей. 7 декабря в Свято-Пантелеимоновский монастырь из Африки вернулись пять последних иноков, служивших в русской армии на Салоникском фронте, позднее вывезенные англичанами вместе с другими русскими солдатами в Египет[35].

В 1920 г. материальные затруднения братии Руссика усилились, а работы прибавилось. Довольно много монастырского леса гибло от пожаров. Единственными средствами к существованию по-прежнему остались продажа древесины и урожай на метохах обители. В частности, впервые за семь лет выдался хороший урожай маслин, иноки до января добывали из них масло прессами на маслобойне. Из-за скудости во всем и частых болезней смертность в монастыре оставалась значительной, численность братии сокращалась. За 1920 г. умерли 37 монахов, некоторые от каламарийской лихорадки[36]. 17 ноября 1920 г. скончался главный духовник монастыря иеросхимонах Агафодор (в миру

[33] Там же. Л. 61.

[34] Там же. Л. 59–60; Преподобный Силуан Афонский. Святая Гора Афон, 2005. С. 48–49.

[35] АРПМА. Оп. 10. Д. 170. Док. № 154. Л. 68.

[36] Там же.

Александр Иванович Буданов, 1845–1920), и с того времени до своей смерти 6 ноября 1933 послушание главного духовника исполнял иеросхимонах Феодорит (в миру Федор Семенович Константинов, 1856–1933)[37]. 7 декабря 1920 г. умер иеромонах Симеон, много лет бывший закупщиком продуктов для Руссика в Греции и др.

Испытывая значительные материальные затруднения, обитель была вынуждена продавать церковную утварь, облачения, иконы, хозяйственный инвентарь. Пришли в упадок монастырские мастерские и промыслы, созданные для обслуживания паломников. В 1920 г. из-за отсутствия средств прекратилась типографская деятельность. Были проданы часть греческого собрания рукописей монастырской библиотеки и некоторые суда Свято-Пантелеимоновской обители[38].

Небольшую материальную поддержку братия монастыря получила 4 января 1921 г., когда благодаря содействию российской дипломатической миссии в Афинах греческое правительство вернуло незаконно взятую в октябре 1918 г. пошлину на продукты в размере 8424 драхм. 18 февраля была закончена перепись иноков, проводимая по приказу правительства с 19 декабря 1920 г. Согласно ее результатам, на Афоне проживали 4736 монахов.[39]

25 января 1921 г. Комиссия по оценке и определению убытков от войны на море при Министерстве иностранных дел Греции определила убыток Руссика за потопленное 15 августа 1917 г. немецкой подводной лодкой судно «Святой Николай» и его груз в размере 75 530 драхм, в том числе за само судно — 29,5 тыс. и за груз пшеницы — 39 тыс. В ответ на запрос братии от 12 июля о выплате компенсации комиссия 6 августа ответила, что пока произведена лишь оценка. Но во второй половине года компенсацию всё же получили[40].

20 февраля Кинот переслал игумену Мисаилу для ответа письмо великого просинкела Константинопольской Патриархии с сообщением о том, что бывший насельник Руссика монах Симон (Ванюшкин) в прошении в Патриархию от 25 января пожаловался на несправедливое удаление из монастыря за якобы «большевистские убеждения»[41].

14 марта 1921 г., по предписанию Протата в связи с засухой и появлениями на метохах мышей состоялся крестный ход вокруг монастыря с молебном о ниспослании дождя. 15 мая освятили новую лесопилку при мельнице, сооруженную монахом Феофилом. 24 мая прошло молебствие по случаю закладки

[37] Русский афонский отечник XIX–XX веков. С. 222–225, 426.

[38] *Якимчук И.З.* Русские иноки на Афоне в XX в. // Православная энциклопедия. М., 2002. Т. IV. С. 161.

[39] АРПМА. Оп. 10. Д. 170. Док. № 154. Л. 69; *Милонакос Н.* Святая Гора Афон и славянство. Афины, 1960. С. 11 // Архив Отдела внешних церковных связей Московской Патриархии. Папка «Афон». Справочные материалы.

[40] АРПМА. Оп. 10. Д. 135. Док. № 5419. Л. 1 — 4 об.

[41] Там же. Д. 194. Док. № 168. Л. 3.

нового монастырского парусника водоизмещением 90 т, инициатор постройки наместник иеромонах Иоаким. Строили судно 15 нанятых рабочих-греков. 10 сентября парусник спустили на воду. 28 сентября он под командованием о. Симеона отправился в первый рейс в Салоники и 1 ноября впервые доставил из Каламарийского метоха пшеницу, ячмень, кукурузу. Постройка судна стоила около 100 тыс. драхм. Однако 12 ноября ночью во время бури его выбросило на берег, был поврежден киль, сбит руль. Всю зиму судно, на которое возлагали большие надежды, простояло без ремонта. От той же бури погибли и три монастырских баркаса. За две недели до этого, 28 октября, большие волны смыли с берега запас леса, ожидавший отправки в Салоники[42].

В 1921 г. был хороший урожай винограда и средний — пшеницы, но маслин уродилось мало. В результате взятых в Первую мировую войну долгов приходилось выплатить кредиторам в виде процентов до 30 тыс. драхм. В счет уплаты процентов иногда отдавали церковное облачение. Из монастырских церквей также продали много икон, включая фамильные и редкие. По свидетельству монастырской летописи, «братия была раздета, разута и голодна», керосин для освещения в келлии по-прежнему не выдавали. За 1921 г. умерли еще 30 иноков[43].

В начале 1920-х гг. Свято-Пантелеимоновский монастырь лишился всех своих подворий и другой недвижимости в России. Московское, одесское, ростовское, таганрогское, петроградское (Ново-Афонское) подворья были фактически утрачены в 1922–1923 гг. из-за их закрытия или захвата обновленцами. Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь в 1924 г. закрыт, а братия подворий и Нового Афона разогнана и в большинстве своем не смогла вернуться на Святую Гору. Новоафонская братия поселилась в основном в долине реки Псху, где подверглась массовым арестам в 1930 г.[44]

Испытывая трудности и лишения, насельники Свято-Пантелеимоновского монастыря переживали за своих страдающих соотечественников. Так, в октябре — начале ноября 1921 г. братия Руссика собрала пожертвования в пользу голодающих России. Сразу после воззвания Патриарха Московского и всея Руси свт. Тихона ко всем народам о помощи голодающим игумен Мисаил обратился в Кинот за разрешением провести по всему Афону сбор «в пользу страждущей родины». Кинот разрешил и выдал специальную книжечку для регистрации взносов, с которой отправились по святогорским монастырям, скитам и келлиям иноки Руссика иеромонахи Пинуфрий и Гавриил. Всего собрали более 10 тыс. драхм, доставленных в Кинот для передачи Патриарху Тихону[45].

Боль за многострадальную Отчизну отразилась в письме от 13 марта 1924 г. от трех главных русских обителей Афона американскому епископу Джеймсу

[42] Там же. Д. 170. Док. № 154. Л. 69–71.

[43] Там же. Л. 72.

[44] О закрытии Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря // Православная Абхазия. 1996. № 21. С. 6.

[45] АРПМА. Оп. 10. Д. 170. Док. № 154. Л. 71.

Генри Дарлингтону: «Наша благодетельница, великая Россия, разбита на части, Русская Православная Церковь распята, и от этого очень страдаем мы, русские монахи на Афоне»[46].

В греческой истории одним из самых трагических стал 1922 г. Неудачная война с Турцией закончилась «малоазиатской катастрофой», убийством сотен тысяч греков и вынужденной массовой эмиграцией уцелевших. Послевоенное положение Греции было тяжелым. Ситуация осложнялась заботой о 1½ млн греческих беженцев из Турции. В те годы посильный вклад в решение проблем внесла братия монастыря св. вмч Пантелеимона. Проблема беженцев напрямую затронула Афон в конце 1922 г.

17 апреля в связи с засухой состоялся крестный ход вокруг монастыря с молебном о ниспослании дождей, и 25–26 апреля они начались. С 7 по 26 мая в Руссике пребывал российский консул в Салониках Владимир Степанович Щербина, приехавший вместе с русским эмигрантом генералом М. Ф. Ананьевым, поступившим на службу греческому правительству. 23 июня обитель посетил чехословацкий консул К. Грегор, 8 июля — салоникский губернатор Георгий Параскевопулос, 9 июля — английский адмирал Р. Вебб в сопровождении офицеров и матросов, а 11 августа — греческий митрополит Илиондопольский Христофор и англиканский священник[47].

Из-за засухи был плохой урожай зерновых, маслины и виноград дали средний урожай. Некоторые убытки были понесены из-за несвоевременной закупки заметно дорожавших хлеба и масла, сказалось и связанное с войной сильное падение курса драхмы. Для покрытия выросших расходов пришлось усиленно продавать лес греческим купцам. В этой связи приобрели для лесопилки за 26 тыс. драхм подержанный локомобиль (мощностью 6–7 лошадиных сил)[48].

В сентябре архимандрит Мисаил через антипросопа обители о. Пимена переслал в Кинот ответы на вопросы о якобы неравноправии в монастыре греков с русскими. Игумен опроверг обвинения и указал, что в том году, как и в прошлом, в Руссик приняты 4 грека, все они наравне с русскими иноками имеют послушание и материальное обеспечение. Из-за нужды большая часть братии рубит лес, заготавливает дрова, обрабатывает виноградники и поля, перевозит тяжести на мулах и быках, поэтому ее кормят лучше. Греки от этих тяжелых работ освобождены. Нанимать же греков-певчих для бдений со стороны прекратили из-за нехватки средств, но богослужения на греческом языке проводятся регулярно[49].

В ноябре братия по указанию греческого правительства и Кинота освободила несколько корпусов обители для размещения детей-сирот, вывезенных

[46] *Троицкий П.* Свято-Андреевский скит и русские кельи на Афоне. С. 58.

[47] АРПМА. Оп. 10. Д. 170. Док. № 154. Л. 73, 76.

[48] Там же. Л. 77–78.

[49] Там же. Д. 194. Док. № 168. Л. 1–2.

из Малой Азии, но поселение их на Афоне не состоялось. В конце декабря в монастырях Афона для греческой армии реквизировали мулов и лошадей, причем Руссик пострадал больше других[50].

В целом 1922 г. сопровождался еще большим оскудением монастыря, умерли 37 иноков, увеличилась доля больных и неспособных к труду насельников. К 1 января 1923 г. общая численность братии Руссика на Афоне составила 543 человека (из них 364 — в стенах монастыря). 26 иноков находились на метохах, 137 — в России[51].

В апреле 1923 в реквизированном Преображенском корпусе Свято-Пантелеимоновского монастыря был размещен военный санаторий, где до сентября лечились почти 1200 греческих солдат. Позднее Преображенский корпус до полутора лет пустовал под охраной военного караула, но в 1925 г., после дипломатического вмешательства Королевства сербов, хорватов и словенцев его вернули монастырю[52]. Весной 1923 г. братия Руссика также просила греческое правительство разрешить приезд нескольких сотен русских насельников, которые накануне Первой мировой войны находились в России и хотели вернуться на Святую Гору[53]. Однако советское правительство воспрепятствовало их выезду из РСФСР.

В 1923 г. Свято-Пантелеимоновский монастырь посетило значительно больше паломников, чем в 1922 г. В частности, 24 апреля в монастырь приплыл румынский пароход с учащимися Морской военной школы, а вскоре приехала большая группа студентов и преподавателей Богословского факультета Белградского университета. Входивший в нее будущий архиепископ Серафим (Иванов) вспоминал: «Помню, в 1923 году, будучи студентами, приехали мы на Пасху на Святую Гору Афонскую. Как в рай попали. Как будто и революции никогда не было. Весь величавый быт большого старорусского монастыря сохранился во всей своей благолепной красе: громадные храмы с чудесной росписью, иконы в тяжелых серебряных ризах, сияющие паникадила. И всё это поддерживается в удивительном порядке и чистоте семидесятилетними экклесиархами (монахами-пономарями. — *М. Ш.*), желающими ни в чем не отстать от своего патриарха — игумена. Обошли мы все громадные монастырские строения. Долго оставались в приемном зале “царского архондарика” (гостиница для почетных гостей). Это прямо музей духовной красоты старой великой России. Все стены украшены живописными фотографическими изображениями интереснейших событий русской духовной жизни последнего времени. Портреты государей, выдающихся архипастырей, изображения монастырей, храмов и т. д. — всё это погружает вас в бывший еще так недавно, а теперь, может

[50] Там же. Д. 170. Док. № 154. Л. 77.

[51] Там же. Л. 78.

[52] Архив Југославије, Београд, 69–142–221.

[53] Там же.

быть, навсегда потерянный русский церковный мир... Наконец попали мы в книжно-иконную лавку монастыря. Боже, сколько прекрасных книг, святоотеческих творений!»[54].

С 3 по 15 июня на Афоне пребывал российский консул в Салониках В. С. Щербина. Он посетил Свято-Пантелеимоновский монастырь, Свято-Андреевский, Свято-Ильинский скиты и некоторые русские келлии. 14 июня в Руссике побывал сербский консул в Салониках Ф. А. Стоянович. 4 июля монастырь посетил приплывший на госпитальном судне главнокомандующий греческой армией П. Мавромихалисис, торжественно встреченный братией. На другой день он присутствовал на богослужении Константинопольского Патриарха Мелетия в Великой Лавре св. Афанасия. 27 июля, в престольный праздник св. вмч Пантелеимона литургию в Руссике служил греческий епископ Фотий. 30 июля Свято-Пантелеимоновский монастырь посетил Салоникский митрополит Геннадий, 3 августа — английский полковник, 19 августа приплыл на своей яхте русский генерал Турбин, который взял с собой в Константинополь насельника Руссика — монаха Кронида[55].

В середине ноября 1923 г. в монастырь приехала комиссия Протата для переговоров об оплате долгов Кинота, который достиг огромной суммы в 344 тыс. драхм. Значительных расходов потребовали оплата юристов для подготовки Нового канонизма, содержание афонской жандармерии и т. п. В октябре большинство членов Протата приняли решение распределить сумму долга между 20 монастырями пропорционально численности братии. Так как Руссик имел больше всего насельников, на его долю пришлась пятая с лишним часть всего долга — 73 тыс. драхм. Когда игумен Мисаил выразил несогласие, предлагая разделить долг Кинота поровну между монастырями, в крайнем случае между крупнейшими из них, ему указали, что в случае отказа от выплаты положенной суммы примут меры вплоть до отобрания печати монастыря. После этого братия Руссика обратилась с письмом протеста ко всем афонским монастырям, получив некоторую поддержку. В результате в обитель и приехала комиссия Протата, с нею была достигнута договоренность снизить сумму выплаты почти вдвое — до 40 тыс. драхм[56].

И без того тяжелое финансовое положение монастыря еще более ухудшилось. В 1923 г. умер 31 насельник обители, много ценных церковных предметов было продано, порой за бесценок. Ситуацию усугубили убытки от злоупотреблений эконома Кассандры монаха Протогена. В 1924 г. положение оставалось прежним. 23 января в уплату долга пришлось продать монастырю Ксиропотам лучшие церковные облачения из двух ризниц за 400 лир золотом, 28 января монастырю св. Павла продали колокола из церкви св. Аристоклия и с башни

[54] *Верин С.* Архимандрит Мисаил, игумен Русского Пантелеимонова Монастыря на Афоне // Православный русский календарь на 1931 год. Владимирова, 1930. С. 66–69.

[55] АРПМА. Оп. 10. Д. 170. Док. № 154. Л. 82–83.

[56] Там же. Л. 85–86.

Покровского храма за 20 тыс. драхм, 1 июля продан греческому купцу за 75 тыс. драхм монастырский пароход «Святой Пантелеимон»[57].

Весной 1924 г. на Пасху в Руссик приехал Первоиерарх РПЦ за границей митрополит Антоний (Храповицкий). Празднование в том году Пасхи в Свято-Пантелеимоновском монастыре очень выразительно описал сопровождавший Владыку Антония на Афон его келейник архимандрит Феодосий (Мельник): «Наступает Пасхальная ночь... Кругом темно, на всех паникадилах висят быстровоспламеняющиеся нитки и в подсвечниках вставлены огромные чистого воска свечи, лампадки тихо мерцают. Темные фигуры во мраке тихо спускаются по лестнице к собору — это братия спешит в собор. Кончилась полунощница в Покровской церкви, унесли плащаницу в алтарь, всё убрали, стало в церкви тихо, пусто и напряженно торжественно.

Ровно в 12 часов ночи раздался колокольный звон, и после него послышалось пение в нижнем соборе на славянском языке: “Воскресение Твое Христе Спасе”, а затем то же самое на греческом. Все монахи с возженными свечами в руках выходили чинно из собора, а за ними вышло больше сотни священнослужителей в чудных, богатой парчи ризах, во главе с игуменом о. Мисаилом, и как только они вышли и стали стройно перед собором, могучий голос архидиакона Киприана провозгласил: “И осподобитися нам слышания св. Евангелия Господа Бога молим”, прекрасным баритональным тенором отец игумен прочел Евангелие Воскресное от Матфея, зачало 116, глава 28, 16. Каждая фраза прерывалась чудесным могучим колокольным трезвоном (почти стопудовый главный колокол).

С балкона наблюдать этот священный лик с морем свечей так умилительно, что мы стояли с затаенным дыханием, как бы не на балконе, а на небе, и эта Пасхальная ночь неизгладимо врезалась в мою душу. Владыка молился и слезы умиления, которые он быстро смахивал платком, тихо катились по его лицу. Затем внизу обошли крестным ходом вокруг собора и только тогда, вернувшись, провозгласил о. игумен “Слава Святей” и прочел стих “Да воскреснет Бог”. Хоры пели то по-гречески, то по-славянски и этим еще больше переносилась душа в ту даль времен, от которой нас отделяют около 2000 лет...

Затем о. игумен с назначенным для служения священством вошел в собор, а остальные с пением “Христос Воскресе” пошли по своим церквам. В Покровской церкви служил наместник о. Иоаким и с ним 18 иеромонахов и 8 иеродиаконов и архидиакон Киприан, краса Афона, ныне преставившийся ко Господу 83-летним старцем. С воскресением Христовым всё как бы воскресло: братия воспрянула духом, на лицах радость сияет, голоса свежие, молодые, хотя это поют пожилые старцы. Служба идет быстро без задержек, по многажды повторяется Пасхальный канон, впечатление таковое: как жаждущий долго не видел воды и дорвался до источника, и его никак не оторвешь от него. Так и тут с клироса на клирос перекатывается одна и та же песнь, и кажется

[57] Там же. Л. 87–89.

никогда они не напоются и не нарадуются этими священными песнопениями. Священнослужители по 2 иеромонаха и по 2 иеродиакона совершают каждения на каждой песни, как положено по уставу, чинно говорятся ектении после каждой песни. Весь храм пылает в освещении свечей и драгоценных лампад. Одним словом, ликует земля, вместе с небом радуясь о Воскресшем Спасителе»[58].

С 31 мая по 6 июня в Руссике пребывал греческий митрополит Ириней, но Кинот не позволил ему совершать богослужения без разрешения Константинопольского Патриарха Григория. 27 июля, в престольный праздник св. вмч Пантелеимона литургию в Руссике служил греческий епископ Фотий. В этот день в обители было много гостей, в том числе консул Великобритании в Салониках Ф. Кроов и итальянский художник Ф. Перилло. 1 августа в Свято-Пантелеимоновский монастырь приплыл на миноносце американский адмирал М. Бристоль. Он также посетил и Свято-Андреевский скит, откуда вывез много церковных ценностей[59].

Своеобразным рубежом в истории русских обителей Афона была выработка 10 мая 1924 г. пятичленной комиссией чрезвычайного Двойного собрания Святой Горы «Уставной хартии Святой Горы Афонской» (известна как «Новый канонизм»). Отказ его подписать ухудшил положение братии Руссика. 4 декабря в Киноте даже обсуждался вопрос о дополнительном вселении в Свято-Пантелеимоновский монастырь новых греческих насельников, выделив для этого по два монаха из каждого греческого монастыря Афона. Однако до этого дело не дошло. В конце 1924 — начале 1925 г. Свято-Андреевский скит остался без своего кавалского метоха Нузлы, а Свято-Пантелеимоновский монастырь — без метохов Каламария, Кассандра и Сики, реквизированных греческим правительством для размещения беженцев из Малой Азии. Некоторое время существовала угроза реквизиции и метоха Крумица, но не осуществилась. За 1924 г. в результате материальных лишений и болезней умерли 29 насельников Свято-Пантелеимоновского монастыря[60]. Так завершился один из самых сложных периодов в истории русских обителей Афона.

References

Arhimandrit Feodosij (*Mel'nik*). S mitropolitom Antoniem na Sv. Afone // Pravoslavnaâ Rus'. 1937. № 20–21.

Emel'ânov N. E. Predstaviteli russkogo zarubež'â. Za Hrista postradavšie // XVIII Ežegodnaâ bogoslovskaâ konferenciâ Pravoslavnogo Svâto-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta: Materialy. T. 1. M., 2008.

Igumen Damaskin (*Orlovskij*). Mučeniki, ispovedniki i podvižniki blagočestiâ Rossijskoj Pravoslavnoj Cerkvi XX stoletiâ. Tver', 2002. Kn. V; kn. VII.

Il'inskaâ A. Podvig shiepiskopa Petra // Vâtskij eparhial'nyj vestnik. 1998. № 1.

Milonakos N. Svâtaâ Gora Afon i slavânstvo. Afiny, 1960.

O zakrytii Novo-Afonskogo Simono-Kananitskogo monastyrâ // Pravoslavnaâ Abhaziâ. 1996. № 21.

Verin S. Arhimandrit Misail, igumen Russkogo Panteleimonova Monastyrâ na Afone // Pravoslavnyj russkij kalendar' na 1931 god. Vladimirova, 1930.

[58] См.: *Архимандрит Феодосий* (*Мельник*). С митрополитом Антонием на Св. Афоне // Православная Русь. 1937. № 20–21.

[59] АРПМА. Оп. 10. Д. 170. Док. № 154. Л. 89.

[60] Там же. Л. 91–92.

Список литературы

Архимандрит Феодосий (*Мельник*). С митрополитом Антонием на Св. Афоне // Православная Русь. 1937. № 20–21.

Верин С. Архимандрит Мисаил, игумен Русского Пантелеимонова Монастыря на Афоне // Православный русский календарь на 1931 год. Владимирова, 1930.

Емельянов Н.Е. Представители русского зарубежья. За Христа пострадавшие // XVIII Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: Материалы. Т. 1. М., 2008.

Игумен Дамаскин (*Орловский*). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия. Тверь, 2002. Кн. V; кн. VII.

Ильинская А. Подвиг схиепископа Петра // Вятский епархиальный вестник. 1998. № 1.

Милонакос Н. Святая Гора Афон и славянство. Афины, 1960.

О закрытии Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря // Православная Абхазия. 1996. № 21.

Преподобный Силуан Афонский. Святая Гора Афон, 2005.

Русский афонский отечник XIX–XX веков. М., 2010.

Троицкий П. История русских обителей Афона в XIX–XX веках. М., 2009.

Троицкий П. Свято-Андреевский скит и русские кельи на Афоне. М., 2005.

Феннел Н., Троицкий П., Талалай М. Ильинский скит на Афоне. М., 2011.

Якимчук И.З. Русские иноки на Афоне в XX в. // Православная энциклопедия. М., 2002. Т. IV.